

Часть первая

I

ДОСТОЙНАЯ ВЕЩЬ

Дождливым мартовским вечером 1946 года, вскоре после шести часов, тощий седовласый мужчина сидел в своем любимом баре и допивал последнюю из заказанных им рюмок мартини. Наконец он убедился, что вполне готов к грядущему испытанию, оплатил счет, поднялся и надел пальто и шляпу. С туго набитым портфелем в одной руке и зонтиком в другой он вышел из бара и отважно ринулся под проливной дождь, заливающий центр Манхэттена. Его путь лежал в сторону маленького магазинчика, расположенного на Сорок третьей улице, в нескольких кварталах отсюда.

В магазине его ждали тридцать молодых мужчин и женщин, студентов расширенного курса издательского дела, который он, Кеннет Д. Маккормик¹, главный редактор издательства *Doubleday & Company*, читал по просьбе Нью-Йоркского университета. Они жаждали добиться успеха в издательском деле и посещали еженедельные семинары, надеясь повысить свои шансы. Обычно на таких собраниях было несколько припозднившихся слушателей, но в тот вечер, как заметил Маккормик, к шести

часам все студенты уже были на месте. И Кеннет знал почему. Сегодняшняя лекция была посвящена редактированию, и он уговорил человека, которого считали самым уважаемым и влиятельным редактором во всей Америке, «сказать об этом пару слов».

Максвелл Эвартс Перкинс не был известен широкой публике, но в книжном бизнесе был важной фигурой, своего рода героем. Он был квалифицированным редактором и в молодые годы открыл несколько великолепных новых талантов, таких как Ф. Скотт Фицджеральд, Эрнест Хемингуэй и Томас Вулф. На них он и построил свою карьеру, бросив вызов устоявшимся вкусам старшего поколения и устроив настоящую революцию в американской литературе. На протяжении тридцати шести лет его имя было прочно связано с компанией *Charles Scribner's Sons*, и за все это время ни один редактор ни в одном издательстве не смог побить его рекорд по поиску и изданию новых авторов. Несколько студентов даже признались Маккормику, что издательский бизнес привлек их именно благодаря блестящему примеру Перкинса.

Маккормик похлопал ладонью по столешнице, призывая к тишине, и начал лекцию с описания того, что представляет собой работа редактора. Теперь, по его словам, это уже совсем не то, что было раньше, когда суть сводилась к проверке правописания и пунктуации. Современный редактор должен знать, что именно стоит печатать, как это найти и что сделать, чтобы книга собрала наибольшую аудиторию. И во всем этом, как говорил Маккормик, Макс Перкинсу не было равных. Его литературные вкусы были оригинальны, а разум чрезвычайно проницателен; он умел вдохновлять писателей так, что те вкладывали в работу самое лучшее, что в них было. Перкинс был для авторов

не столько ментором, сколько другом и всячески им помогал. Подсказывал, как структурировать текст, если в этом была необходимость. Придумывал заголовки, разрабатывал сюжеты. Брал на себя обязанности психоаналитика, советчика в любовных вопросах, брачного консультанта, менеджера по карьерному росту и даже кредитора. Очень немногие редакторы, работавшие до него, проделывали такую работу над чужими рукописями, к тому же он всегда оставался верным своему кредо: «Книга принадлежит автору».

В какой-то степени, по словам Маккормика, Перкинс был довольно нетипичным представителем своей профессии: невероятно безграмотный, он своеобразно обращался с пунктуацией, а когда дело доходило до чтения, то, по его собственному признанию, «становился медленным, как мул». Но литература была для него вопросом жизни и смерти. Однажды он даже написал Томасу Вулфу: *«В мире не может быть ничего важнее книги»*.

Отчасти потому, что Перкинс действительно был выдающимся для своего времени редактором; отчасти потому, что многие из найденных им авторов впоследствии стали знаменитостями; и отчасти потому, что и сам он был довольно эксцентричной личностью, — вокруг его персоны всегда вилось бесчисленное количество легенд, и большинство из них имело вполне правдивые основания. Все студенты в группе Маккормика уже по крайней мере раз слышали захватывающую историю о том, как Перкинс обнаружил Ф. Скотта Фицджеральда. Или как жена Скотта, Зельда, будучи за рулем его автомобиля, как-то раз подвезла редактора в залив на Лонг-Айленде. Или как Перкинс уговорил Скрайбнеров одолжить Фицджеральду несколько тысяч долларов, чтобы спасти его от банкротства. Говорят, что однажды Перкинс заочно согласился напечатать роман

Эрнеста Хемингуэя «И восходит солнце», а потом с боем пытался не вылететь с работы, потому что, когда рукопись поступила, оказалось, что она полна непечатной лексики. Другая его любимая история про Перкинса и его стычки с ультраконсервативным редактором Чарльзом Скрайбнером была связана со словами-в-четыре-буквы-длиной из второго романа Хемингуэя «*Прощай, оружие!*». Говорят, что Перкинс записывал все проблемные, требующие обсуждения словечки, такие как *shit*, *fuck* и *piss*, в своем настольном календаре, не обратив при этом внимания на заголовок «Список дел на сегодня». И что якобы старик Скрайбнер, увидев эти записи, сказал, что, если бы ему пришлось напоминать себе о таких вещах, он бы всерьез забеспокоился.

Множество историй о Перкинсе также связано с неукротимым писательским пылом и нравом Томаса Вулфа. Ходят слухи, что во время работы над романом «*О времени и о реке*» Вулф вынужден был писать, скорчив над холодильником свое шести-с-половиной-футовое тело, и складывал написанное в деревянный ящик, не утруждая себя перечитыванием. В конечном счете тяжело груженный ящик привезли к Перкинсу на телеге трое крепких парней, и каким-то образом ему удалось сформировать из этого потока сознания книгу. И конечно, все на курсе Маккормика слышали о памятой фетровой шляпе Перкинса, знаменитой тем, что он носил ее не снимая в течение всего дня (в помещении и на улице) и стягивал с головы, только когда ложился в постель.

Пока Кеннет говорил, легенда приблизилась к магазину на Сорок третьей улице и тихонько вошла. Подняв взгляд, Маккормик заметил сутулую фигуру редактора у дальней двери, оборвал себя на полуслове и приветствовал гостя. Весь класс тут же обернулся и устремил взгляды на величайшего издателя Америки.

Ему исполнился шестьдесят один год. Он был пяти футов и десяти дюймов росту и весил сто пятьдесят фунтов. Зонт, который он держал, похоже, от дождя его не спас: с редактора стекала вода, а шляпа прилипла к ушам. Продолговатое, с розоватым румянцем и мягкими линиями лицо Перкинса венчал крепкий красный нос, почти прямой и изогнутый на конце, точно клюв. Глаза у него были пастельно-голубые. Как однажды написал Вулф, «полные мистического туманного света и далекого неба над морем, глаза моряка из Новой Англии, сосланного в Китай на крошечном корабле. Было в них что-то морское и затягивающее».

Перкинс снял промокший плащ и одернул помятый крапчатый костюм-тройку. Вскинул взгляд и стащил шляпу, под которой обнаружилась седая копна волос, зачесанных назад так, что обнажалась V-образная линия на границе лба. Макса Перкинса мало заботило впечатление, которое он производит, и в тот вечер он выглядел как торговец удовольствием из Вермонта, заехавший в город в своем лучшем воскресном костюме и случайно попавший под дождь. Чем дальше он проходил в комнату, тем больше смущался из-за того, что Кеннет Маккормик отрекомендовал его как «наставника американских редакторов».

Перкинсу раньше не приходилось обращаться к такой аудитории. Каждый год он получал дюжины приглашений, но все отклонял. Первой причиной отказов было то, что он был глуховат, поэтому избегал больших сборищ. Второй — он верил, что редактор всегда должен оставаться невидимым. Его появление на публике может подорвать веру читателей в писателей, а у последних — уверенность в своих силах. Более того, Перкинс не видел никакого смысла в обсуждении своей карьеры — вплоть до приглашения

Маккормика. Кеннету, одному из наиболее приятных и любимых им людей в издательском бизнесе, человеку, который лично практиковал перкинсовскую философию редакторского самоустранения, было очень трудно отказать. Или, возможно, Перкинс чувствовал, сколько невероятной усталости и печали накопилось в нем за долгую жизнь, и знал, что нужно передать все свои знания кому-нибудь, пока не стало слишком поздно. Поэтому, зацепив большие пальцы за проймы своего жилета, в своей привычной звучной и чуть хриплой манере он приступил к лекции.

— Первое, что вам нужно запомнить, — сказал он, избегая смотреть в глаза слушателям, — это то, что редактор не должен дописывать книгу за автора. Лучшее, что он может сделать, — это быть ему хорошим помощником. Не поддавайтесь чувству собственной важности, потому что главная задача редактора — высвобождать энергию, а не создавать.

Перкинс признавал, что предлагал почитать своим авторам кое-какие произведения для вдохновения, когда у них не было идей для создания собственных. Но при этом подчеркивал, что эти тексты для вдохновения никогда не довлели над авторами при работе над новыми книгами, пусть они и были успешны с финансовой и литературной точки зрения.

— Потому что лучшая работа любого писателя, — говорил он, — всегда рождена им самим.

Он предостерегал студентов от соблазна навязывать автору свою точку зрения, вмешиваться в писательский процесс или пытаться превратить его произведение в то, чем оно не является.

— Это очень просто, — сказал он. — Если вы работаете с Марком Твенном, не пытайтесь сделать из него Шекспира.

И не пытайтесь сделать из Шекспира Марка Твена. Потому что в конечном счете все, что можно получить от автора, — это его самого.

Редактор говорил осторожно, и его голос то и дело затихал, как у любого глуховатого человека. Казалось, будто Перкинса самого удивляет его звучание. Первое время аудитории приходилось напрягаться, чтобы его услышать, но уже через несколько минут все сидели так тихо и неподвижно, что можно было различить каждый сказанный слог. Все внимательно слушали рассказ смущенного редактора о трудностях и испытаниях, сопровождающих его работу, которую он сам называл «поиском достойной вещи».

Как только Перкинс завершил заранее заготовленную речь, Кеннет Маккормик предложил группе задать вопросы.

— Каково было работать со Скоттом Фицджеральдом? — таков был первый из них.

Перкинс на секунду задумался, и на лице его промелькнула хрупкая улыбка. Затем он ответил:

— Скотт всегда был джентльменом. Но и он иногда нуждался в мощной поддержке: она возвращала его к жизни. И его тексты в итоге были так прекрасны, что стоили всех усилий.

Перкинс также добавил, что рукописи Фицджеральда всегда было легко редактировать, потому что в отношении своей работы он был перфекционистом и стремился, чтобы она выглядела идеально. Тем не менее, уточнил Перкинс, Скотт был невероятно чувствителен к критике. Он принимал ее, но редактор должен был быть уверен в том, что предлагает.

Далее дискуссия развернулась вокруг особенностей работы с Эрнестом Хемингуэем. Перкинс сказал, что Хемингуэю не только в начале карьеры нужна была помощь,

но даже в зените славы, потому что Эрнест, по словам Перкинса, писал так же дерзко, как и жил. Перкинс считал, что поведение персонажей в текстах Хемингуэя является воплощением «грации под давлением».

Также он добавил, что у Хемингуэя была страсть к самоисправлениям.

— Однажды он сказал мне, что переписывал кое-какие части романа *«Прощай, оружие!»* пятьдесят раз, — сказал Перкинс. — Поэтому редактор должен успеть вмешаться в работу до того, как автор уничтожит ее первоначальную красоту. Но ни секундой раньше.

Перкинс поделился несколькими историями о работе с Эрскином Колдуэллом², а затем прокомментировал некоторые из наиболее продаваемых книг, написанных женщинами, включая произведения Тэйлор Колдуэлл³, Марсии Девенпорт⁴ и Марджори Киннан Ролингс⁵. В конце концов, хотя группа и не стремилась поднимать щекотливую тему, всплыл вопрос о позднем Томасе Вулфе, с которым у Перкинса испортились отношения. Остаток вечера дискуссия велась о вовлеченности Перкинса в работу Вулфа и о том, что это стало самым большим испытанием в карьере редактора. Много лет ходили слухи, что Вулф и Перкинс были партнерами в создании объемных романов автора.

— Том, — говорил Перкинс, — был обладателем огромного таланта. Гением. Его талант, его видение Америки было таким всеохватывающим, что ни одна книга за всю историю никогда не смогла бы вместить все то, что он хотел сказать.

По мере того как Вулф воплощал свой мир на бумаге, на Перкинса легла ответственность за создание неких границ объема его произведения.